

**С.М. Владимирова, Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева,
Н.А. Гриднева, Самарский государственный
технический университет**

НOMOSCRIPTOR В РОМАНЕ М. ШИШКИНА «ПИСЬМОВНИК»

С позиций развиваемой Михаилом Эпштейном дисциплины «скрипторика», изучающей проблему письма в ее антропологическом и персоналогическом аспектах, рассматривается роман Михаила Шишкина «Письмовник».

Ключевые слова: скрипторика, письмо, Михаил Шишкин.

**S.M. Vladimirova,
Ogarev Mordovia State University,
N.A. Gridneva,
Samara State Technical University**

HOMO SCRIPTOR IN MIKHAIL SHISHKIN'S NOVEL «THE LIGHT AND THE DARK»

In the report the problem of writing in M. Shishkin's novel «The Light and The Dark» is analyzed from the perspective of scriptorics developed by M. Epstein.

Keywords: scriptorics, writing, Mikhail Shishkin.

Homoscriptor – термин Михаила Эпштейна, который он вводит в рамках развития «новой дисциплины» – скрипторики, рассматривающей письмо в его антропологическом и персоналогическом аспектах. Главным вопросом здесь становится: кто пишет и для чего? Противопоставляя скрипторику дерридеанской грамматики, фактически отказывающей пишущему субъекту хоть в сколько-нибудь значимой функции, философ видит в скрипторике также возможность противостояния тем весьма опасным и неоднозначным тенденциям в развитии современного общества, которые связаны с предвосхищенным грамматологией расчеловечиванием информационных технологий. Концепция самодостаточного письма в условиях интенсивного развития прикладной науки и техники может быть реализована как замена живого человека самопишущей машиной: все бытие сведется к игре знаков,

которые уже не будут испытывать потребности ни в означаемых (предметах), ни в означающих (людях). «Этой граммато-эсхатологии, – пишет М. Эпштейн, – можно противопоставить только понимание того, что пишущий больше письма, несводим к письму и что само письмо проистекает из самоотрицания-самовозрастания пишущего» [1].

В рамках данного доклада мы хотели бы с позиций развиваемой М. Эпштейном концепции рассмотреть проблему письма в романе Михаила Шишкина «Письмовник», где она является, несомненно, одной из ключевых. Заметим, что М. Шишкин, в творчестве которого исследователи обнаруживают реализацию многочисленных типично постмодернистских техник и идей, в своих интервью неизменно дистанцируется от концепции фетишизации письма, подчеркивая, что все его «тексты были не про слова, а про жизнь» [2], и что «просто вязь слов» ему никогда не была интересна [3]. В комментариях к своему «Письмовнику» он, можно сказать, идет еще дальше, заявляя, что главным персонажем здесь является любовь и «каким стилем она будет выражена, совершенно не важно» [2].

Композиционно роман строится как переписка двух влюбленных – Володеньки, пребывающего на войне, и Сашеньки, с нетерпением ожидающей возвращения любимого дома. Впрочем, вопрос – а друг другу ли они пишут – остается открытым, ибо, как выясняется ближе к середине романа, герои принадлежат различным временным пластам. Хотя ощущение диалога весьма умело поддерживается автором и композиционно, и за счет развития любовной темы, многие исследователи не без оснований сходятся во мнении о том, что диалог здесь именно фальсифицируется и переписка для каждого из героев является средством не коммуникации, но самопознания. «Герои, – пишет Б.Н. Ланин, – общаются не между собой, но сами с собой» [4, с. 111].

По М. Эпштейну, именно саморефлексия, в основе которой лежит разделение себя на субъект и объект, является ключевой персонологической и психологической мотивацией письма. «Мой текст, – замечает философ, – это я вне меня, то вне-я, которое я могу писать и переписывать, работать над ним, выходя из-под власти времени и пространства» [1]. Определяя письмо вслед за Ж. Деррида и Р. Бартом как форму отсутствия пишущего, М. Эпштейн объясняет готовность скриптора променять свое живое бытие здесь и сейчас на удаленный во времени и пространстве след неизбежным стремлением человека «выйти из замкнутости своего настоящего» и вольно «жить на просторах времени». Эта глубинная потребность обуславливает высокую ценность следа – как «самой общей категории моего бытия вне меня», как «среды, хранящей

меня в отсутствие меня самого». Пытаясь преодолеть время, зафиксировать себя в вечности, человек становится «следооодержимым», стремится оставить как можно более надежный след, который пережил бы его самого. Письмо, предъявляя себя в отсутствие пишущего, есть, на самом деле, самое живое и неоспоримое свидетельство о нем, есть самый времяупорный след. Неслучайно, как замечает М. Эпштейн, потребность в письме просыпается у человека в ранней юности, когда осознается факт безвозвратно ушедшего детства и возникает острое чувство проходящего времени.

В одном из своих интервью М. Шишкин, отвечая на вопрос об отношениях человека со временем, замечает: «Время безжалостно к людям, не любит оно никого. Плачу ему тем же» [5]. Примечательно, что в «Письмовнике» автор, игнорируя линейность исторического времени, сохраняет линейность в описании судеб героев, и это, как верно пишет И. Мотеюнайте, неизбежно пробуждает экзистенциальный страх смерти, а вслед за ним, конечно, желание как-то утвердить себя в бытии, остановить разрушительный ход времени. «Свое настоящее, – пишет она, – герои «Письмовника» стремятся заковать, становясь авторами и создавая «речевые» документы о собственной жизни» [6, с. 234]. Записанное слово оказывается воплощенной возможностью выживания.

Рассказывая о своей любви, сиюминутных впечатлениях, ощущениях, текущих событиях и окружающих людях, погружаясь в сокровенные воспоминания, размышляя о жизни и смерти, герои «Письмовника» ищут и находят себя, наполняют жизнь смыслом. В своих письмах они бегут от окружающей их жестокости, пошлости, бессмысленной суеты и одиночества, спасая от времени и забвения самое важное и дорогое. Разумеется, за это приходится платить. Как пишет М. Эпштейн, акт письма имеет скрытую жертвенную семантику. Философ ссылается на гипотезу Р. Жирара о возникновении семиозиса из древних ритуалов жертвоприношения, в основе которых перенос вины жертвователя на невинную жертву, т.е. последняя может быть рассмотрена как знак жертвователя. Пишущий оказывается и жертвой и жертвователем одновременно. Он приносит в жертву свое бытие здесь и сейчас тому, возможно, очень далекому будущему, когда у его записей найдется читатель-воскреситель. «Человек, – пишет М. Эпштейн, – создает знаки, потому что он сам знаков, он замещает кого-то Другого, Совершенного и Безгрешного». Именно это Другое в себе, знаком которого является человек по своей природе, он шлет вперед, в будущее, как «самое заветное, подлежащее записи» [1].

Самоотречение, «самостираание», «умерщвление своего бытия здесь и сейчас» оборачивается в романе, кроме прочего, «размытием» всего, что относится к эмпирическому существованию героев. Окружающая их действительность в силу многочисленных нестыковок, неточностей, недоговоренностей в описаниях обретает условный, симулятивный характер, так что их инобытие в письме кажется более «настоящим», истинным. Утрачивая личностную специфику, образы героев обретают некие архетипические черты. Этот эффект, видимо, можно сравнить с тем, что М. Эпштейн называет «самоотрицанием-самовозрастанием пишущего». Опыт героев «развоплощается», выходит за пределы индивидуального, обретает «трансперсональное измерение» (М. Эпштейн), сводится к универсальным началам. Собственно, такая перспектива восприятия ситуации героев и их образов заложена уже в заглавии книги: письмовник, как известно, есть сборник образцов для написания писем, так что переписка Сашеньки и Володи может и должна быть, вероятно, воспринята как лекало некой идеальной любви – спасенной письменным словом и потому поистине бесконечной.

Список литературы:

1. Эпштейн М. Скрипторика. Введение в антропологию и персонологию письма // НЛО. 2015. № 1 (131). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2015/1/skriptorika.html>.
2. Шишкин М. Михаил Шишкин о своем новом романе «Письмовник»: интервью Льву Данилкину // «АфишаDaily», 16.08.2010. URL: https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/archive/mihail_shishkin.
3. Шишкин М. Вечер Михаила Шишкина // Клуб «Журнального зала» 21.12.2010. URL: <http://magazines.russ.ru/project/club/shishkin.html>.
4. Ланин Б.А. Антибахтинский роман Михаила Шишкина // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин: коллективная монография. Краков: Scriptum, 2017. С. 103-111.
5. Шишкин М. Смерть, как жизнь, внесловесна: интервью Нине Ивановой // Time out. 3.09.2010. URL: <http://www.timeout.ru/msk/feature/14237>.
6. Мотеюнайте И.В. Слово как способ преодоления времени в романах Михаила Шишкина и Евгения Водолазкина // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин: коллективная монография. Краков: Scriptum, 2017. С. 227-238.